

В. М. Смирин

О ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ЦИЦЕРОНА В ГОДЫ СУЛЛАНСКОЙ ДИКТАТУРЫ

(Опыт разбора ранних речей)

В основу настоящей статьи положен один из наиболее разработанных, изученных до мельчайших подробностей источников — произведения Цицерона (ранние речи). Несмотря на это, попытка более или менее обстоятельного разбора хорошо уже известных науке данных представляется оправданной не только в силу того, что отечественная литература о Цицероне, к сожалению, небогата, но и потому, что даже в специально посвященных Цицерону работах, появляющихся в наших изданиях, приходится встречаться с противоречивыми утверждениями и выводами, которые высказываются подчас без достаточной аргументации.

Так, в недавно напечатанной статье о Верринах¹ мы читаем, что в период, к которому относится речь за С. Росция Америкского, Цицерон, выступивший «с разоблачениями нобилитета», «был всецело на стороне демократической оппозиции». Речь эту автор безоговорочно относит к периоду, когда Цицерон не только «отстаивал интересы всадников», но даже «выступал от их имени»². Точка зрения автора³ не подкреплена никакими ссылками на источники. К противоположным выводам приходит автор другой статьи, специально посвященной общественно-политическим взглядам Цицерона. Из этой статьи мы узнаем, что в той же речи за С. Росция Цицерон «всячески восхваляет Суллу и одобряет происшедший переворот». Приведенные в статье цитаты, по мнению автора, свидетельствующие, что «Цицерон не колеблется в выборе своей позиции и прямо говорит о присоединении к партии Суллы»⁴, представляют собой вырванные из контекста общеизвестные пассажи, в которых говорящий по весьма опасному вопросу оратор пытается уверить слушателей в своей лояльности по отношению к сулланскому режиму.

Ни та, ни другая точка зрения, впрочем, не нова. Взгляд на молодого Цицерона, как на демократа, пользовался особым распространением вплоть

¹ Т. И. Кузнецова, Речи Цицерона против Верреса. Цицерон. Сборник статей, М., 1958.

² Там же, стр. 79.

³ Подобная точка зрения часто встречается в курсах истории римской литературы и в популярных работах. См., например, «История римской литературы» под ред. Н. Ф. Дератани, М., 1954, стр. 139; С. И. Ковалев, Марк Туллий Цицерон, в кн. Письма Марка Туллия Цицерона, т. I, М.—Л., 1949, стр. 389.

⁴ А. А. Мотус, Общественно-политические взгляды Цицерона, Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 102, Исторический ф-т, Л., 1955, стр. 382.

до появления в 1909 г. работы Р. Гейнце о начале политической деятельности Цицерона⁵. Автор стремился доказать, что молодой оратор не защищал в своих речах интересы популяров и был всего ближе к умеренным, многочисленным как в среде нобилитета, так и вне ее. Сделав ряд верных наблюдений и отметив некоторые слабые стороны критикуемых им воззрений, Гейнце ограничился попыткой поставить каждую речь в связь с конкретной политической обстановкой, но не смог дать исчерпывающий анализ многочисленных политических намеков, содержащихся в ранних речах Цицерона. Ограниченность взглядов Гейнце заставляла его преуменьшать политический момент в судебных речах и исходить из постулата, будто Цицерон в них не стремился вторгаться в область политики глубже, чем того требовали узко понимаемые непосредственные интересы дела.

После статьи Гейнце большинство исследователей в той или иной форме принимает тезис о связи Цицерона с нобилитетом уже с самого начала политической карьеры⁶.

Представителем точки зрения, усугубляющей односторонность взглядов Гейнце, является Чачери, автор двухтомного труда «Цицерон и его время». Он утверждает, будто Цицерон в своих речах не выступал ни против знати, ни против сулланской партии, не находился в оппозиции к «реставратору конституции и государства» Сулле и клеймил «демократов»⁷.

Другое истолкование связь Цицерона с нобилитетом получает у приверженцев точки зрения, нашедшей выражение в работах Ж. Каркопино, видевшего в римской знати силу, оппозиционную сулланской диктатуре⁸. В несложной иной форме мы находим этот тезис, например, у В. Шура, который считает, что Цицерон в это время защищал интересы умеренной сенатской оппозиции⁹.

М. Гельцер, автор статьи «Цицерон как политик» в RE находит уже в ранних речах Цицерона ту политическую линию, которой он придерживался в течение всей деятельности. Приветствуя победу нобилитета и восстановление старого государственного строя, Цицерон осуждает жестокости сулланской диктатуры, в которой видит лишь преходящее явление¹⁰. Эта «средняя» точка зрения, по-видимому, пользуется в современной западноевропейской науке наиболее широким распространением¹¹.

Характерным недостатком большинства упомянутых работ, которые нередко содержат интересные и ценные наблюдения, является односторонний подход к предмету, схематизация сложного материала, особенно опасная при анализе источника, доносящего до нас подлинное дыхание напряженной политической жизни своего времени.

Недавно появившаяся статья советского исследователя М. Е. Грабарь-Пассек «Начало политической карьеры Цицерона (82—70 гг. до

⁵ R. H e i n z e, Ciceros politische Anfänge, Abh. d. phil.-hist. Klasse d. königl. sächs. Ges. d. Wiss., Bd. XXVII, 1909. Об истории вопроса см. стр. 947—948 (ср. также E. C i a s e r i, Cicero e i suoi tempi², т. 1, Milano, 1939, стр. 20, прим. 1).

⁶ Следует, впрочем, отметить, что еще один из первых переводчиков речи за С. Росция на русский язык, И. Ростовцев, возводил отстаиваемые в ней взгляды к «умеренной аристократической партии» (Речь Марка Туллия Цицерона в защиту Секста Росция Американа, пер. И. Р о с т о в ц е в а, 2-е изд., Киев, 1879, стр. 17).

⁷ C i a s e r i, ук. соч., стр. 23—30.

⁸ J. C a r c o p i n o, Sylla ou la monarchie manquée, P., 1947, стр. 147 слл.

⁹ W. S c h u r, Das Zeitalter des Marius und Sulla, «Klio», 46, Beiheft (N. F., 33, Beiheft), Lpz, 1942, стр. 214—215.

¹⁰ M. G e l z e r, Cicero als Politiker, RE, т. VII A, стб. 827 слл.

¹¹ См., например, Н. W. V e n a r i o, Cicero's Marius and Caesar, «Class. Phil.», т. LII, 1957, стр. 179. Автор говорит о Цицероне, как о стороннике оптиматов, который, однако, был потрясен событиями, последовавшими за победой Суллы.

н. э.)»¹² характеризуется стремлением автора рассмотреть вопрос о связях Цицерона с нобилитетом на фоне общей картины политической борьбы. Основные мысли автора не вызывают возражений, но дальнейшая разработка вопроса, нам кажется, позволяет уточнить ряд выводов.

* * *

От времени сулланской диктатуры до нас дошли две речи Цицерона. Одна — по гражданскому делу — в защиту П. Квинкция (81 г.) и вторая — речь в защиту С. Росция Америкейского (80 г.), о которой известно, что она была первым выступлением Цицерона в уголовном процессе (первые речи Цицерона по гражданским делам, видимо, не сохранились¹³). Обе речи интересуют нас лишь в плане их политического содержания, лишь с точки зрения содержащихся в них политических намеков, оценок, требований. Поэтому фактическая сторона разбираемых в этих речах судебных дел будет затрагиваться в той только мере, в какой это необходимо для нашей темы.

Дело Квинкция само по себе не ставило перед оратором никаких политических задач, но известный «щекотливый» момент в процессе имелся. Прежний защитник и поверенный Квинкция, Алфен, богатый римский всадник, был приверженцем партии Цинны и при господстве циннанцев¹⁴ успешно вел дело. Во время проскрипций он погиб, и противник Квинкция Невий возлагал большие надежды на то, что имя проскрибированного Алфена должно бросить тень на все дело подзащитного Цицерона и что он, Невий, пользуясь обстоятельствами и тем влиянием, которое доставил ему своевременный переход на сторону сулланцев, сумеет добиться благоприятного для себя решения. Действительно, ему удалось еще до суда поставить своего противника в невыгодное положение, выдвинув поддержанное претором Долабеллой унижительное требование, чтобы Квинкция внес залог в обеспечение уплаты на случай проигрыша дела или чтобы он доказал посредством спонсии несостоятельность утверждений Невия (вместо того, чтобы Невий сам доказывал справедливость этих притязаний). Подзащитный Цицерона вынужден был согласиться на последнее требование, и разбираемая ниже речь была произнесена именно в спонсионном процессе. Дело не было важным, но трудным и для начинающего оратора ответственным.

В речи наиболее тщательно разработан самый опасный для Квинкция вопрос — о политической стороне чисто имущественного по существу дела. Это естественно, так как Цицерон, по-видимому, понимал, что если в данном вопросе его противники будут обезоружены, то остальные их аргументы в значительной мере потеряют свою действенность. Поэтому речи по малозначительному гражданскому делу Цицерон предпосылает чрезвычайно острое введение, ставя затронутые в нем вопросы настолько резко, насколько позволяли условия времени.

Цицерон прежде всего обращает внимание на поддержку Невия группой весьма знатных и влиятельных лиц¹⁵. Их покровительство (*gratia*,

¹² Цицерон. Сборник статей, М., 1958, стр. 3 слл.

¹³ См. *Ci c.*, p. *Quinct.*, 4. По крайней мере у нас нет оснований связывать начало судебной деятельности Цицерона, как это делает Ф. Клингер (F. Klinge r, *Römische Geistwelt*³, München, 1956, стр. 106), с победой Суллы и «восстановлением упорядоченной общественной жизни».

¹⁴ Термин «циннанцы» для этого времени представляется более правильным нежели «мариянцы». Во всяком случае Асконий говорит о *Cinnanae partes* (*A s c o n.*, *In toga cand.*, 90); ср. *Ci c.*, *Vat.*, 23: *cruor Cinnanus*.

¹⁵ *Ci c.*, p. *Quinct.*, 7: *huiusce aetatis homines disertissimos fortissimos, nostrae civitatis, qui communi studio, summis opibus Sex. Naevium defendunt*; ср. так же 72: *homines nobilissimi ac potentissimi*; и др.

summa gratia) позволяет Невию надеяться, что благоприятное решение суда будет обусловлено его положением (*ex oribus* — 5), а не заботой об установлении истины (*non ex veritate*). Именно такой оборот приняло дело при рассмотрении его пристрастным и несправедливым претором (*praetoris iniquitate et iniuria* — 9). Правда поругана (*multis incommis veritas debilitata* — 4), право поправно (*...summam per iniuriam* — 10), все враждебно обиженному: ему не удалось добиться не только равноправия (*ius par*), но и простой объективности магистрата (*non magistratus aequus reperiri potuerit* — 10). Это не случайность, но результат того, что насилие и покровительство (*vis et gratia*) теснят истину (*veritas*). Если бы дело Квинкция оказалось проигранным и в этой инстанции, это означало бы, что в государстве не осталось уже ничего ни здорового, ни святого (5) и что ничья слабость¹⁶ не может уже рассчитывать на защиту.

Развивая эту мысль, Цицерон не мог забывать, что в арсенале аргументов его противников не последнее место занимало утверждение, что положение сторон в процессе при господстве «той партии» было, так сказать, обратным, что «в те времена» противник Квинкция не мог рассчитывать на успех из-за связи подзащитного Цицерона и его тогдашнего поверенного Алфена с влиятельными тогда людьми¹⁷. Задача опровержения этого обвинения заставляет Цицерона коснуться самого острого пункта, связанного в какой-то степени с оценкой положения как сторон в процессе, так и дел в государстве при господстве враждебной сулланцам партии. Невыгодность положения оратора по условиям спонсии заключалась в том, что, выступая в соответствии с процедурой первым, он должен был *заранее* отвести возможные обвинения Невия против его подзащитного. Цицерон при этих обстоятельствах не мог уклоняться от опасных моментов и должен был принять открытый бой. Ход его аргументации представляет для нашей темы большой интерес.

Как характеризует Цицерон самого Алфена — человека, близкого (что он сам признает) к видным деятелям антисулланской партии, в частности, к М. Бруту, — и погибшего во время проскрипций? Хотя Цицерон и оговаривается, что вопрос о том, что за человек был Алфен, по его мнению, не относится к делу (*qualis is fuerit... nihil ad rem arbitror pertinere*), поскольку есть возможность доказать, что защита Квинкция велась им при помощи законных средств (*per ius et magistratum* — 68), тем не менее в речи дается портрет Алфена. Цицерон не проявляет никакой тенденции к очернению памяти проскрибированного. Это — не бесчестный сутяга, не нищий, но богатый римский всадник, хорошо ведущий свои дела¹⁸. Алфен действительно принадлежал к «той партии» (*erat... illarum partium* — 69), но это объясняется воспитанием, которое он, оказывается, получил в доме самого Невия. Даже гибель в числе проскрибированных не ставится Цицероном в вину Алфену, — ведь он погиб «с теми и за тех, кому сочувствовал» (*quos diligebat*). Не позорнее ли такой гибели процветание самого Невия, который, убедившись, что друзья его не могут победить, «сумел приобрести дружбу тех, которые побеждали» (70).

Цицерон не оспаривает, что Алфен действительно был влиятельным (*gratiosus*) человеком «в те времена», что он обладал известным могуществом «*propter partium studium*»: он был близок к М. Бруту, на чье содей-

¹⁶ Так переводит Ф. Ф. Зелинский более выразительное цicerоновское «*humilitas*».

¹⁷ *C i c.*, p. *Quinct.*, 68: *An vero id, quod Hortensium, quia nuper iniecit, et quia Naevius semper id clamitat, dicturum arbitror, non fuisse Naevio parem certationem cum Alfeno illo tempore, illis dominantibus?*

¹⁸ *C i c.*, p. *Quinct.*, 62: *Credo aliquem electum hominem egentem, litigiosum, improbum, qui posset scurrae divitis cotidianum convicium sustinere. Nihil minus; eques Romanus locuples, sui negotii bene gerens...*

ствие мог рассчитывать, что положение Алфена позволяло и ему добиваться определенных решений в ущерб справедливости (*si fretus gratia postulabat aliquid iniquius Alfenus — 70*), — все это так. Но ведь все это и в еще большей степени, говорит Цицерон, можно отнести к самому Невию, который пользовался тогда еще большим влиянием. Цицерон, возвращая своим противникам их собственные обвинения, упрекает Невия в близости ко всем, «кому тогда насилие и нечестие предоставляли самые большие возможности, которыми те и пользовались» (69). Сам Невий, по словам Цицерона, и воспитал Алфена в духе ненависти к нобилитету. Во время гражданских войн он отнюдь не сочувствовал сулланцам, а если теперь он пользуется их поддержкой, то это свидетельствует не о его моральном превосходстве над Алфеном, но лишь о его сообразительности и ловкости (*ingenio, venustate, artificio tu facile vicisti — 70*). Прибегая к подобным обвинениям против Невия, Цицерон подчеркивает, однако, вынужденность этого приема — он отнюдь не хотел касаться этого вопроса, ведь самая память об этих делах должна исчезнуть (*nolo eam rem commemorando renovare, cuius omnino rei memoriam omnem tolli funditus ac deleri arbitror oportere — 70*). Что же касается собственно защиты Алфеном Квинкция, то, по утверждениям Цицерона, несмотря на то даже, что она велась через одиозный во времена сулланской диктатуры институт трибунов (63 сл.), формальная законность этой защиты не может оспариваться, поскольку она велась в законных формах (*per ius et per magistratum — 68*).

Позволяют ли нам эти высказывания Цицерона заключить вместе с М. Е. Грабарь-Пассек, что «только человек, которого никто не мог заподозрить в сочувствии марианцам, мог позволить себе чисто политические выпады против некоего Невия...»?¹⁹

Цицерон сравнивает Алфена, оставшегося верным своим убеждениям и погибшего, с переметнувшимся на сторону сулланцев Невием, и сравнение оказывается не в пользу последнего. Цицерон обвиняет людей, пользовавшихся влиянием при господстве циннанцев, в преступном злоупотреблении своими возможностями в корыстных целях. Но те же обвинения Цицерон выдвигает и против влиятельных лиц времени сулланской диктатуры. Более того, он показывает, что при Сулле положение даже ухудшилось. Если «тогда» Невий был только «могущественнее» своих противников, то «теперь» покровительство видных сулланцев сделало его противника совершенно беззащитным против тех же преступных притязаний²⁰.

Если в числе источников могущества сторонников партии Цинны Цицерон рядом с «*vis*» называет «*scelus*», то в речи за С. Росция этот термин появится и в приложении к злоупотреблениям сулланцев.

Цицерон в разбираемой речи оценивает дело циннанцев как заслуживающее полного забвения, как дело, самая память о котором должна быть искоренена. В этом он, возможно, следует официальной сулланской формуле (отсюда же, по-видимому, глухие выражения: «те времена», «та партия»), однако в данном контексте слова Цицерона могли звучать и как призыв не расследовать поведение людей «в те времена» (выпады против Невия подаются им как вынужденные). Таким образом, выпады Цицерона против «марианцев» в речи за Квинкция оказываются на поверку глухими и мало выразительными. Они ничего не дают для выяснения сложного вопроса об отношении Цицерона к партии Цинны и меньше всего свидетельствуют о сочувствии Цицерона сулланскому режиму, отдельные сто-

¹⁹ Сб. «Цицерон», стр. 8; ср. там же, стр. 16—17.

²⁰ *Cic.*, p. *Quinct.* 87: *Contra istum potentia sua tum tantum modo superiorem fuisse, nunc nobis vix respirandi potestatem dare.*

роны которого уже во вводной части речи получают отнюдь не лестную оценку и который при сравнении с циннанским на приводимых в речи конкретных примерах ничего не выигрывает. Что же касается отрицательного отношения Цицерона к режиму сулланской диктатуры, в частности, к сулланскому террору, то уже речь за Квинкция содержит материал, позволяющий говорить об этом с достаточной определенностью.

При чтении речи нас не может не поразить одна деталь: что означает резкое и неожиданное обвинение Невия в том, что он покушается не только на имущество, но на «жизнь и кровь» своего противника²¹. Цицерон не раз подчеркивает решающее, а может быть и роковое значение, которое будет иметь для его подзащитного исход спонсии. Дело идет *de capite* (31, 32, 44), о том, чтобы противник Невия «не находился среди граждан... не числился среди живых, чтобы решился вопрос о его жизни и достоинстве» (43). Цицерон предупреждает Невия, что тот не может убит (*iugulare*) своего родственника Квинкция без того, чтобы не запятнать себя величайшим нечестием (44) и т. п. Но действительно ли в процессе речь шла о жизни Квинкция? Риторические декламации Цицерона о судьбе, угрожающей его подзащитному, показывают, что мы имеем дело с явным преувеличением: «Тот, чье имущество пошло с торгов... не только исключен из числа живых, но, если это возможно, поставлен в худшее положение, чем даже мертвые...» (49).

Зачем понадобилось Цицерону столь преувеличенное изображение несчастий своего подзащитного? Только ли, чтобы пробудить в судьях чувство жалости к нему? Случайно ли Цицерон в произнесенной в следующем году речи за С. Росция формулирует обвинения против Хрисогона в выражениях, дословно повторяющих только что цитированные?²². В речи за С. Росция они соответствуют действительным обстоятельствам дела, — а здесь? Нет ли здесь в сетованиях о судьбе человека, вычеркнутого из списков живых и поставленного в худшее положение, чем даже мертвые, какого-то скрытого намека на судьбы проскрибированных? Такое предположение может сначала показаться натянутым, но дальнейший ход цicerоновской декламации постоянно возвращает нас к нему: «О ком в самых людных местах выставлены объявления, тому не разрешено даже погнубить тихо и незаметно» (50). Разве не должны были звзвать эти слова в то время у слушателей прежде всего мысль о проскрипциях? Лишь опосредствованно они могли быть связаны с действительно разбиравшимся делом. И развертываемая далее Цицероном картина должна была напоминать слушателям прежде всего о жертвах сулланского террора, чье имущество также шло на продажу: «человек, о котором кричит глашатай, назначающий цену, — тот, кто еще при жизни своими глазами видит свои же похороны, если только можно назвать похоронами сборище не друзей, собирающихся почтить память усопшего, а аукционных торгашей, которые, словно палачи, намереваются растерзать и изорвать на части остатки того, что составляло его жизнь» (50).

Не производит ли весь отрывок впечатление относящегося в первую очередь к тем «*bonorum emptores*», о которых Цицерон говорил и через год в речи за Росция Америкского (72; 151), к которым вполне подходило такое определение, как *carnifices*, что дало самому Цицерону повод к печальному каламбуру: *Nescimus per ista tempora eosdem fere sectores fuisse collorum et bonorum* (р. R. Am., 80). Но так открыто Цицерон мог говорить,

²¹ C i c., p. Quinct., 39: non pecuniam modo, verum etiam hominis propinqui sanguinem vitamque eripere conatur. Ср. там же, 46: fateatur se non pecuniam, sed vitam et sanguinem petere.

²² C i c., p. Rosc. Am., 7: Primum a Chrysogono peto, ut pecunia fortunisque nostris contentus sit, sanguinem et vitam non petat.

по-видимому, лишь через год, когда условия несколько изменились (см. ниже). В нашей же речи он ограничивается игрой двусмысленностей типа цитированных и еще более прозрачных намеков. В самом деле, Цицерон переходит к рассуждениям о том, сколь осторожно отосились «предки» к крайним мерам, «ведь они понимали, что значит описывать чужое имущество» — *alterius bona proscribere*. Здесь уже произнесено и самое слово, и, как будто для того, чтобы у слушателя не осталось впечатления, что это лишь случайная обмолвка, чтобы не осталось никаких сомнений насчет того, что именно имеет в виду оратор, Цицерон прибавляет: «Ведь ни один благонамеренный не захочет зарезать человека даже по праву. Он предпочтет, чтобы о нем вспоминали как о том, кто, хотя мог погубить, пощадил, нежели как о том, кто, хотя мог пощадить, погубил» (51). Таков образ действий *virī boni* даже по отношению к злейшим врагам (*in homines... inimicissimos*).

Не может быть никаких сомнений, что в условиях своего времени все эти и подобные рассуждения Цицерона могли восприниматься только как развернутое сравнение судьбы своего подзащитного с судьбой проscribedованных. Нетрудно заметить, что сравнение это натянуто и плохо вяжется с конкретным содержанием дела. Тем не менее, Цицерон пользуется даже этой возможностью для того, чтобы с помощью намеков высказать свою точку зрения на вопросы более значительные, чем того требовал непосредственный разбор дела. В этой части речь за Квинкция имеет определенный подтекст, который придает острое звучание и другим намекам Цицерона²³.

Зачем понадобилось Цицерону вдаваться в область скольких параллелей? Ответ может быть лишь один: чтобы подчеркнуть свою оппозиционность в этом вопросе. Но, поскольку в судебной речи оратор не мог забывать о ее практических целях, мы и для этой линии речи должны искать определенный практический смысл и внутреннюю связь со всей аргументацией Цицерона. Эта внутренняя связь становится ясной после разбора того противопоставления характеристик Квинкция и Невия, которые мы находим в речи, и на котором, в частности, построена ее заключительная часть.

Мы помним, что в начале речи Цицерон говорит о поддержке Невия знатнейшими людьми и о беззащитности Квинкция. Кому же принадлежит поддержка знатных сулланцев и против кого направлены их усилия? Как характеризует Цицерон Квинкция? Оставляя в стороне (видимо, не без основания) его политические симпатии²⁴, Цицерон сообщает нам, что его подзащитный «человек старинного склада»²⁵. Он привык жить, «сохраняя друзей уважением, а состояние бережливостью» (59). Он не бросает друзей в беде ради приобретения новых, более выгодных связей (93), дом его открыт для таких добрых чувств, как *rudor* и *sanctimonia*. *Officium*, *fides*, *diligentia* — не стали еще для него пустыми словами (93). Его образ жизни прост и скромн²⁶. И для такого человека, доказывает Цицерон, не найдется места при господстве нобилитета.

Кого же поддерживают знатнейшие люди государства? Принадлежит ли Невий к их кругу? Нет, — происхождение его весьма невысокое (55; 95). Политические симпатии Невия не отличаются постоянством. Богатство

²³ Ср., например, его рассуждение о том, что такие понятия, как «наглый, жадный, вероломный» (*audax, cupidus, perfidiosus*), стали привычными и банальными (*vulgaria et obsoleta*) (56). Ср. 94, о живущих *cum audacia perfidiaque*.

²⁴ В словах Цицерона «*non ab afflictā amicitia transfugere*» (93) можно видеть намек на политические связи Квинкция.

²⁵ *C i c.*, p. *Quinct.*, 59: *Antiquam officii rationem dilexit, cuius splendor, omnibus moribus obsolevit...*

²⁶ *C i c.*, p. *Quinct.*, 93: *vitam omnino semper horridam atque aridam...*

его из тех, что легко наживаются и легко проживаются. Он живет среди роскоши и распущенности, и дом его открыт для всякого рода страстей и разврата (93).

Подобный образ жизни столь же соответствует «нынешним нравам» (*his moribus* — 93), сколь не соответствует им образ жизни Квинкция (59). В данном процессе речь идет не просто о столкновении имущественных интересов двух сторон, говорит оратор, но о столкновении двух образов жизни (*vitae ratio* — 92). Сельская и лишенная утонченности (*inculta*) бережливость пытается отстоять себя против роскоши и распущенности, беззащитность (*inopia*) и истина — против бесчестности и покровительства. Цицерон противопоставляет образу жизни человека «старинных правил» образ жизни выскочки, карьериста нового типа, прихлебателя победителей, угрожаящего стать над ними господином²⁷.

Стремясь (как и в более поздних речах) представить разбираемый казус как отражение более общего — затрагивающего все общество и государство — явления, Цицерон уже во вступительной части речи, рисуя неравное положение сторон, намекает на опасность, связанную с тем, что люди, пользующиеся благодаря своей знатности силой в государстве, не находят для своего влияния и могущества (*gratia et potentia*) лучшего применения, чем поддержка жадных устремлений человека такого рода, как Невий (9). Нетрудно видеть, что это та же самая мысль, которая лежит в основе всей аргументации в речи за С. Росция, где, как мы увидим ниже, Цицерон, почувствовав основное противоречие сулланской диктатуры, подчеркивает несоответствие ее официальной аристократически-реставраторской идеологии и реальной социально-политической практики, основанной на союзе с сомнительным с точки зрения аристократии элементом — карьеристами нового типа (военного или бюрократического). В речи за С. Росция Цицерон уже открыто проводит мысль, что, потворствуя таким людям, нобили становятся орудием в руках этих преступных элементов, стремящихся к карьере и обогащению за счет достойных и знатных людей, гибнущих в проскрипциях. Та же мысль по существу является основной и в разбираемой речи, но здесь она не высказывается открыто, хотя в заключительной части речи Цицерон формулирует ее в той же форме прозрачных намеков, в какой он развивает всю линию, связанную с вопросом о проскрипциях: «... Не дошло еще до того, чтобы жизнь и имущество честнейших людей оказались во власти тех, которые, отказавшись от правил людей благонамеренных (*virorum bonorum*), предпочли наживать и проживать по примеру Галлония и кроме того... живут, руководствуясь дерзостью и вероломством. Если позволено жить тому, кому не хочет позволить этого С. Невий, если честному человеку есть место в государстве (*in civitate*) и вопреки желанию Невия...» (94).

Не является ли такая постановка вопроса, гораздо более широкая, нежели конкретный судебный казус (имя С. Невия здесь становится собирательным, как обозначение определенного типа, характерного для своего времени), тем заключением, к которому приводит вся «скрытая», подтекстовая линия речи, развивающаяся параллельно «внешней» аргументации, построенной на анализе фактической стороны дела. Именно здесь эти две линии сходятся. Вводная часть речи, разоблачающая господство *gratia* в судах и вообще в государстве, опровержение аргументов Невия и его покровителей, апеллирующих к политическому прошлому защитни-

²⁷ Квинций и Невий в речи Цицерона изображены как определенные типы (в речи за С. Росция им соответствуют Росций и Хрисогон со своим окружением). Этому элементу обобщения не замечает Гейнцде (ук. соч., стр. 957), который видит в цicerоновском портрете Квинция лишь свидетельство необразованности последнего и узости его кругозора.

ка Квинкция Алфена, замаскированное выступление самого Цицерона с осуждением сулланского террора, — все это именно благодаря такой широкой постановке вопроса увязывается в не вполне — по условиям времени — стройное, но, во всяком случае, внутренне единое целое. Вся речь приобретает звучание, сходное со звучанием речи за С. Росция, хотя основные мысли Цицерона и выражены в ней в гораздо более слабой форме.

Социальная основа оппозиционности Цицерона в этой речи лишена строго определенного характера. Если в речи за С. Росция прямота и резкость постановки вопроса не только потребовали от Цицерона четкого определения платформы, с которой им велась критика сулланского режима (см. ниже), то в речи за Квинкция более глухому и неопределенному способу выражения соответствует и менее ясная позиция самого оратора, который ограничивается тем, что дает почувствовать свое общее отрицательное отношение к господствующему режиму как таковому, не вдаваясь в детали. Это может быть связано с тем, что в начале 81 г., когда речь эта произносилась, не было еще определившейся реальной силы, оппозиционной режиму диктатуры, но можно было обращаться к глухому и скрытому недовольству политическими методами диктатора, недовольству, которое должно было иметь широкое распространение в различных слоях римского общества и которое уже тогда не могло быть чуждым и пользовавшемуся плодами победы Суллы нобилитету²⁸.

Речь за С. Росция Америкского была произнесена через год после только что разобранной. Несмотря на краткость этого промежутка времени, политическая обстановка в Риме успела измениться. На очередь дня стало «восстановление республики» — попытка закрепить «победу нобилитета» законодательным путем. Была разработана и проведена в жизнь сложная система законодательных мер, с помощью которых Сулла, наученный опытом событий 88—87 гг., надеялся предотвратить новое возрождение политических группировок, опирающихся на народное собрание, — так называемая «сулланская конституция». Сам Сулла, оставаясь диктатором, предпочел подчеркнуть законность своей власти избранием в консулы (App., BC, I, 103). Безудержный террор уступал место новым методам. Реформированные суды получили возможность приступить к разбору первых дел. Проскрипции давно уже были в прошлом (р. Rosc. Am. 128; 27)²⁹, стало возможным говорить в прошедшем времени о временах беспорядочных и безнаказанных убийств, когда темные элементы могли вершить свои дела и обогащаться, пользуясь политической обстановкой. Но люди эти, выдвинувшиеся и разбогатевшие во времена разгула террора, не собирались отказываться от тех возможностей, которые тогда перед

²⁸ Еще один вопрос не может здесь быть нами обойден: не была ли речь за Квинкция издана (а следовательно, и переработана) в более позднее время? М. Гельцер (RE, VII A, стб. 835) отвергает это предположение на основании того, что мало значительное дело Квинкция должно было быстро потерять интерес. Однако общность основных положений обеих речей не позволяет отвергнуть возможность того, что наша речь была опубликована после шумного успеха речи за С. Росция и в связи с ним. В таком случае речь могла подвергнуться известному редактированию (если это предположение справедливо, то не исключено, что некоторые отмеченные здесь параллели требуют «обратного» истолкования). Однако трудно думать, что редактирование могло существенно изменить политическую направленность речи (оно могло лишь заострить ее). Да и заметное при сравнении речей различие как в способе выражения взглядов, так и в позициях, с которых они излагаются, указывает не только на обстоятельство дела, но и на время.

²⁹ Несмотря на ясные свидетельства источников, Т. И. Кузнецова (сб. «Цицерон», стр. 79) находит возможным характеризовать время произнесения этой речи, как «время жесточайших проскрипций».

ними открылись, о чем свидетельствует все дело С. Росция³⁰. Дело это, фактически, сводилось к основному вопросу, волновавшему римское общество: явятся ли нормы вновь установленных законов лишь ширмой для продолжения преступной деятельности авантюристов из окружения диктатора или речь идет о более серьезной переоценке некоторых сторон сулланской диктатуры.

С различием обстановки связана и гораздо более резкая, нежели в речи за Квинкцию, постановка политических вопросов. Именно с разъяснения этой стороны дела и начинается речь. Мотивом служит необходимость объяснить, почему предвзятая «величайшими ораторами и знатнейшими людьми» (1) защита предпочла поручить выступление в суде оратору малоизвестному и незнатному. Дело в том, говорит Цицерон, что *auctoritas et amplitudo* этих людей не позволяют им касаться политических вопросов, что неизбежно в данном деле (2). Говорить о таких вещах в неспокойные времена (*iniquitas temporum* — 1) опасно и в особенности тем, чьи слова могут получить больший вес, чем хотелось бы им самим (2). Именно поэтому за это дело берется человек скромного положения — Цицерон, хотя и ему приходится помнить, что «*non modo ignoscendi ratio, verum etiam cognoscendi consuetudo iam de civitate sublata est*» (3), и ему «обстоятельства времени препятствуют говорить свободно» (9). Тем не менее Цицерон применяет здесь тот же прием, что и в речи за Квинкцию. Понимая, что «обстоятельства времени» являются наиболее сильным оружием его противников (...*tempore ipso rugarent* — 28), что они рассчитывают на то, что защитник не рискнет затронуть некоторых сторон дела (58—61), оратор строит всю свою защиту на подробном разборе именно этих сторон. В самом начале речи он выдвигает встречное обвинение против вольноотпущенника и приближенного Суллы Хрисогона и недвусмысленно заявляет о своем намерении превратить дело Росция в дело Хрисогона.

Цицерон играет своей смелостью, обещая «не только сказать все, что я считаю относящимся к делу, но сказать охотно, смело и свободно» (31). Однако с самого начала речи он ясно определяет пределы своей критики, объясняя, что если он и упоминает при изложении дела имя диктатора, то лишь *honoris causa* (6). И в дальнейшем Цицерон неоднократно подчеркивает, что Сулла не знал о преступлении Хрисогона (21, 25, 26, 110, 127, 131—132). Эти замечания сопровождаются льстивыми эпитетами и сравнениями (6, 127, 131—132, 136), тем более преувеличенными, чем более резкой по существу становится критика режима диктатуры. В начале же речи Цицерон пользуется случаем также, чтобы отмежеваться от противной Сулле партии в лице одного из наиболее одиозных представителей ее — Фимбрии, человека «преступнейшего и безумнейшего». Впрочем, и здесь, как в речи за П. Квинкцию, оратор, не ограничиваясь осуждением Фимбрии, использует сравнение для того, чтобы показать, насколько образ действий Хрисогона и его приспешников совпадает с образом действий худших из их политических противников (32—34).

Но в вопросе о политическом значении процесса, который должен стать «пробным камнем» для намечающихся новых тенденций в политике диктатора, Цицерон действительно последователен. Он подчеркивает, что в данном процессе стоит вопрос не только об осуждении или оправдании невинного, но и о том, чтобы «возможно скорее подавить губительное и непереносимое могущество людей такого рода (как Хрисогон)» (36), чтобы вывести государство из положения, которое Цицерон открыто характеризует как «бедственное» (*rei publicae calamitas* — 14).

³⁰ Хотя срок проскрипций давно истек, но опасность быть убитым и занесенным в списки проскриптов посмертно по-прежнему существовала.

Именно в этой политической стороне дела и лежит центр тяжести речи. Это видно из того, что разбор дела Росция по существу кончается в § 81. Остальная часть речи посвящена обвинению действительных убийц и политическим выводам. Именно эти последние и представляют для нас основной интерес. Обстоятельств дела мы не будем касаться, так как они достаточно хорошо известны. Прежде всего нам следует остановиться на вопросе о позициях, с которых выступает Цицерон в разбираемой речи. Более резкая и прямая, чем в речи за Квинкция, постановка конкретных политических вопросов требует от оратора и более четкого определения своей политической платформы.

В нашей учебной и популярной литературе получило распространение утверждение, будто Цицерон в речи за С. Росция отстаивает интересы всадников (см. прим. 3). Несостоятельность этой ничем не подтверждаемой точки зрения очевидна. Речь за С. Росция произносилась Цицероном перед судьями-сенаторами и была рассчитана на успех среди них (ср. 73: *non vides, apud quos agatur*). Поэтому в ней могли иметь место лишь те обвинения против сулланского строя (точнее, против определенных его сторон), которые должны были получить отклик и сочувствие в сенатской среде (ср. 12: *nisi... qui vester animus sit, ostendetis*). Цицерон уверяет своих слушателей, что как сама речь, так и содержащиеся в ней требования не только не направлены против «дела нобилей», но, напротив, должны укрепить его, ибо дело выигрывает (*splendidior fiet*), если негодяи получают отпор (142), что «если победа нобилей должна послужить к чести и пользе государства», то его речь должна найти сочувствие у людей «лучших» и «знатнейших» (там же).

Правда, в отдельных замечаниях Цицерон решается упрекать нобилитет в целом или даже делать намеки на возможный конец его господства (139; 149). Однако самый факт, что мотивы эти, получившие впоследствии подробное развитие в Верринах, в интересующей нас речи почти отсутствуют, может служить дополнительным подтверждением того, что Цицерон в ней ограничивает свои оппозиционные высказывания пределами, приемлемыми для сенатской знати³¹. Он постоянно подчеркивает, что его критика существующего порядка есть критика изнутри господствующей партии. «Однако я имею полное право порицать то, что в этой партии мне не нравится (*si quid in hac parte mihi non placeat*), — заявляет Цицерон, — ибо я не боюсь, что кто-нибудь сочтет меня чуждым делу знати» (*non enim vereor, ne quis alienum me animum habuisse a causa nobilitatis existimet* — 135).

Сам Цицерон, начиная свою речь, говорит, что его защита поддерживается группой видных нобилей, которые не решаются выступить сами. Это не какие-нибудь безвестные сенаторы, а люди *in quibus summa auctoritas est atque amplitudo* (2), *homines nobilissimi atque integerrimi nostrae civitatis* (119)³².

³¹ Ср. Грабарь-Пассек, ук. соч., стр. 16: «... эта оппозиция сулланской диктатуре шла в данном случае не из демократических кругов, а, напротив, со стороны части нобилитета; приверженцев сенатско-республиканского строя, который потерял свое многолетнее влияние...».

³² Вряд ли, однако, оправданы попытки использовать называемые Цицероном имена (27, 77, 147, 149) для выявления основных представителей сенатской оппозиции, которая связывается в таких случаях с родом Метеллов. Нобили — защитники С. Росция — были просто связаны старыми связями с его отцом. Они явились, следуя своему долгу (*propterea, quod officium sequuntur* — 1), но это не дает оснований считать их настроенными более оппозиционно, нежели другие. Более интересно замечание Цицерона, что до того, как он стал якобы сулланцем, сильнейшим его желанием было примирение сторон (*ut componeretur* — 136). Упомянув о Кв. Спеволе, погибшем во время господства циннанцев, Цицерон также счел нужным подчеркнуть, что тот погиб «от рук тех, кого хотел спасти примирением» (*per compositionem*). Нет ли здесь

Что же «не нравится» Цицерону в партии сулланцев? Против чего он считает возможным и нужным выступить? «Сейчас, впервые после долгого перерыва, — пишет Цицерон, — происходит суд по делу об убийстве, хотя за это время совершены убийства возмутительнейшие и величайшие. Все надеются, что суд... не окажется слишком мягким в отношении открытых злодеяний и ежедневных убийств» (11). Принципиальное значение этого процесса очень велико. Ведь в данном случае обвинение исходит от людей, непосредственно замешанных в том самом убийстве, в котором обвиняется подсудимый. Единственным мотивом обвинения является стремление Хрисогона, купившего с торгов имение отца подсудимого (убитого, как показывает Цицерон, с его ведома и его же стараниями внесенного в проскрипционный список), избавиться на всякий случай от законного наследника погибшего.

Типичность этого дела не подлежала сомнению. Сам обвинитель Рокция Эруций признает, что это «было такое время, что люди убивались открыто (*vulgo*) и безнаказанно» (80). Цицерон, отвечая ему, характеризует тех, кто совершал эти убийства, как «дробителей» (так переводит слово «*sectores*» Ф. Зелинский, стремящийся сохранить каламбур подлинника) чужих затылков и имений. В Риме «толпы убийц» (*multitudo sicariorum*) обогащались этим кровавым способом (там же). Но из кого же состояли эти толпы, спрашивает оратор в другом месте (93)? — Конечно, из тех, кто покупал имения (*qui in bonis erant occupati*), или из тех, кто был нанят этими последними (*qui ab iis conducebantur*). Хотя Цицерон на протяжении речи несколько раз подчеркивает, что не хочет говорить «против дробителей вообще», чтобы не задеть слишком большого числа лиц (94; 124), тем не менее в этом следует видеть лишь ораторский прием. Сам оратор в начале речи призывает судей «отвратить опасность, грозящую всем» (7). Цицерон угрожает судьям дальнейшим развитием этого зла: «Если вы в этом процессе не выскажете открыто вашего мнения, то алчность, порочные наклонности и дерзость заявят о себе так смело, что убийства будут совершаться не только тайно, но прямо здесь на форуме, перед твоим трибуналом, М. Фанний, у ваших ног, судьи, на самых скамьях» (12).

Наиболее возмутительную сторону дела Цицерон видит в том, что «головорезы и гладиаторы», убийцы богатого землевладельца из муниципальной аристократии, который был сторонником нобилитета во время «недавних событий, когда опасность угрожала достоинству и благополучию всех нобилей» (16), ожидают узаконения своей преступной практики, присуждения им их «добычи» от такого, сильного своим моральным авторитетом учреждения, как сенаторский суд (8).

«Тот, кто правил всем, был занят другими делами»³³, лишь этим позволяет себе Цицерон объяснить тот факт, что эти темные элементы долгое время бесчинствовали, «как будто над республикой нависла вечная ночь». Они даже перебили тех, кто выступал обычно обвинителями в судах по делам об убийстве. Но надежды их напрасны — «пока будет существовать государство, будет твориться суд» (91).

Что общего с «делом нобилитета» могут иметь эти люди? Между тем, через Хрисогона они оказываются связанными с правящей партией, и сул-

прямого обращения к той части сенаторов, которая в годы гражданской войны оставалась в Риме и занимала умеренную позицию (ср. *L i v.*, Ep., 83: ... *per eos qui concordiae studebant*)?

³³ Такое объяснение, между прочим, должно было не только подчеркнуть лояльность оратора по отношению к диктатору, но и показать последнему, чего ждет от него теперь римский нобилитет.

ланцы-нобили, связывая «свое дело с Хрисогоном», ставят себя тем самым в незавидное положение.

Ос оскорбительным для знати могуществе низкородного выскочки Хрисогона Цицерон говорит особенно много. Он всячески старается подчеркнуть как силу Хрисогона («человек едва ли не самый могущественный в нашем государстве» — 6), так и его низкое происхождение («если он по обыкновению негодных и нечестивых вольноотпущенников будет сваливать все это на своего патрона» — 130). Цицерон уверяет своих слушателей, что могущество людей, подобных Хрисогону, не только позорно для сената («пусть подумают, не позорно ли для тех, кто не мог вынести высокого положения всадников, выносить господство презренного раба» — 140), но и опасно, так как несовместимо с основными политическими принципами римской аристократии. «Раньше это господство (Хрисогона) давало себя знать в другом. Куда же оно стремится теперь, куда прокладывает себе путь, вы сами можете видеть: к вашей верности (*fides*), к вашей присяге, к вашим судам, к тому, что одно только осталось в государстве священным и неиспорченным³⁴. Неужели и здесь Хрисогон считает, что он что-то может, неужели даже и сюда хочет он распространить свое могущество?» (140—141).

Могущество людей, подобных Хрисогону, опасно для сената, так как подрывает его престиж, ущемляет его политические права: «Да отвратят боги, судьи, чтобы то (учреждение), которое предки хотели называть государственным советом (*consilium publicum*), стало считаться оплотом (*praesidium*) „дробителей“» (151). Превращение сената и сенаторов в простое орудие авантюристов-выскочек — вот та опасность, на которую Цицерон, как мы видели, намекал еще в речи за Квинкция и на которую он постоянно указывает слушателям в разбираемой речи³⁵. Хрисогону и его окружению (как год назад — Невию) Цицерон противопоставляет людей старого закала³⁶. Цицерон недаром подчеркивает, что, хотя у лиц, организовавших убийство С. Росция-отца, и было много древних покровителей и гостеприимцев, унаследованных от предков, тем не менее они перестали уважать и почитать их и отделились под защиту и покровительство Хрисогона (106).

Такое обращение их к Хрисогону вполне естественно. Ведь и его богатство — из тех же источников. Описывая богатый дом Хрисогона³⁷, Цицерон замечает: «А как вы думаете, сколько у него столового серебра, ковров, картин, статуй и мрамора? Столько, конечно, сколько можно было свалить во время беспорядков и грабежей из многих блестящих домов в один» (*quantum e multis splendidisque familiis in turba et rapinis coaevari una in domo potuit* — 133)³⁸.

Все это позволяет Цицерону, не ограничиваясь разбором частного случая, поставить вопрос прямо: «Для того ли воспрянувшая знать оружием возвратила себе государство, чтобы вольноотпущенники и презренные рабы по своему произволу могли расхищать имущество нобилей и

³⁴ Cic., p. Rosc. Am., 140: quod solum prope in civitate sincerum sanctumque restat. Ср. p. Quinct., 5: Quodsi tu iudex nullo praesidio fuisse videbere contra vim et gratiam solitudini atque inopiae, ... profecto nihil est iam sanctum atque sincerum in civitate.

³⁵ Cic., p. Rosc. Am., 6: postulat, ut ad hanc suam praedam tam nefariam adiutores vos profiteamini; ср. там же, 151.

³⁶ См., напр., там же, 26: homines antiqui; 27: in qua muliere, iudices, etiam nunc... quasi exempli causa vestigia antiqui officii remanent.

³⁷ И в этой речи мы находим противопоставление «образа жизни образу жизни» — на этот раз Хрисогона и Росция.

³⁸ Ср. Schol. Gron., p. 436, 14 (об утерянной части речи): In hoc capite de potentia Chrysozoni invidiam facit, ut enumeret singula deliciarum genera, quod habeat plures possessiones, mancipia, quae omnia dicit de rapinis ipsum habere.

наше достояние?» (141). Требование, выдвигаемое Цицероном, ясно и недвусмысленно — людям, подобным Хрисогону, не должно быть места в рядах правящей партии.

Но, хотя Цицерон постоянно подчеркивает в своей речи, что его обвинения касаются лишь Хрисогона и никоим образом не имеют в виду самого Суллу, который, как «достоверно известно» оратору, не знал о преступных действиях своего фаворита, тем не менее речь содержит и ряд моментов, которые относятся именно к политике Суллы, а не к злоупотреблениям его окружения. Такова, прежде всего, та оценка, которую получают в речи проскрипции: «Берегитесь судьи, — грозит сенаторам Цицерон, — чтобы не показалось, что вы являетесь виновниками новой и значительно более жестокой проскрипции. И ту первую... сенат все же не захотел взять на себя (*suscipere*), чтобы не казалось, что с общественного одобрения (*publico consilio*) предпринято нечто более суровое, чем допускают установления, соответствующие обычаям предков» (153). Осуждение политики проскрипций звучит в жалобах Цицерона на «привычность бедствий», притуляющую человеческие чувства. Не просьбой об оправдании С. Росция, а призывом положить конец «жестокости к согражданам» (*domestica crudelitas*), от которой, по словам Цицерона, страдают государство и народ римский (154), заключает он свою речь! Сомнение оратора в законности проскрипций выражается в том тоне, в каком он говорит о законе, которым они были установлены, — он даже «не знает», «Валериев ли это закон или Корнелиев» (125). Сулле же адресованы жалобы на отсутствие возможности «высказываться открыто» (*libere dicere*) и не для низших сословий, а для сенаторов. Эти сетования, которыми наполнена вся речь, напоминают нам о словах Саллюстия, заявлявшего в своей «Истории» (устами Лепида), что знать получила господство над народом ценой собственного рабства (*S a l l . , Hist . , I , 55*).

Действительно, этим и им подобным жалобам в речи соответствуют определенные требования политического характера, которые, в отличие от уже разобранных, не выставляются открыто, а излагаются в завуалированной форме под видом описания уже достигнутого положения. «Ведь те, кто хочет порицать дело знати, — говорит Цицерон, — жалуются, что Хрисогон обладает столь большой властью, те же, кто его [т. е. дело знати] одобряют, возражают, что никто ему этой власти не давал. И нет уже никого столь глупого или столь бесстыдного, чтобы сказать: „Я бы хотел сказать, если бы было дозволено“. Говори. Дозволено. „Я бы сделал“. Делай. Дозволено. Никто не запрещает. „Я бы предложил“. Предлагай, только справедливо, все одобряют. „Я бы рассудил“. Все похвалят, если ты рассудишь справедливо и как положено (*ordine*). Пока было необходимо и дело требовало этого, один обладал всей полнотой власти. После этого он учредил (*creavit*) магистратов и установил законы, для каждого восстановлена теперь возможность оказывать свое влияние [на ход дел] (*procuratio autoritasque*)» (138—139).

Эти выраженные Цицероном в прикрытой форме требования, несомненно, соответствовали внутренним чувствам, затаенным настроениям большинства римских нобилей, которые уже в 82 г. надеялись, что за избранием Л. Валерия Флакка интеррексом последуют выборы консулов и возвращение к «нормальному» порядку государственной жизни (*App . , BC , I , 98 , 459*).

Мы видим, таким образом, что и в данной речи Цицерон выходит за пределы разбираемого казуса. Но если в речи за Квинкция наиболее далеко идущие «экскурсы» в область чисто политическую даны в форме намсков, туманных сентенций, связанных — пусть чисто внешне и искусственно — с теми или иными деталями дела, то в речи за С. Росция оратор

часто вынужден разграничивать то, что непосредственно связано с задачей защиты подсудимого, с тем, что имеет более общее значение³⁹.

Так именно «от себя» (*mea sponte*) произносит Цицерон ту (к сожалению, не дошедшую до нас полностью) часть речи (130—143), где он подводит итог разрозненным замечаниям, разбросанным по всей речи, и останавливается на вопросах, которые, по его собственным словам (129), «затрагивают всех»⁴⁰. Эта часть речи непосредственно связана с ее заключением, где Цицерон, возвращаясь к делу Росция, ставит вопрос уже не как частный, а как общий, затрагивающий интересы всего государства в целом (см. 143—154).

Такой характер защитительной речи Цицерона явился полной неожиданностью для его судебных противников и, очевидно, для слушателей (60). Молодому оратору удалось найти для нападков на террористический режим диктатора такую позицию, которая была весьма трудно уязвима с точки зрения официальной идеологии, прокламирующей восстановление господства «лучших». Смелость, которую явно гордится Цицерон, была основана на точной оценке политической обстановки и простиралась настолько далеко, насколько можно было зайти без риска подвергнуть себя действительной опасности⁴¹. Но с каких бы позиций ни выступал оратор, осуждавший жестокости сулланского террора, разоблачавший творившиеся вокруг проскрипций злоупотребления, его разоблачения на деле могли лишь подрывать, а не укреплять диктатуру, и впоследствии Цицерон, вспоминая о своей юношеской речи, мог с полным основанием гордо называть своим противником не забытого уже, вероятно, к тому времени Хрисогона, а самого всемогущего диктатора⁴².

Речь Цицерона имела успех и выдвинула его в число наиболее популярных ораторов Рима (*C i c., Brut., 312, 314*). Цицерону поручаются новые судебные дела. Одно из них нам известно. Это процесс по делу о гражданском статусе женщины из Арреция (Цицерон рассказывает о нем в *P. Saec., 97*). Окончание этого процесса относится к 79 г., к моменту, когда Сулла сложил с себя диктатуру («*Sulla vivo*», а не «*Sulla dominante*»), т. е. ко времени непосредственно после речи за С. Росция⁴³. В речи этой Цицерон оспаривал законность принятого во время диктатуры Суллы постановления о лишении жителей некоторых этрусских городов прав гражданства. Мы можем убедиться, таким образом, что Цицерон не обнаружил никакого намерения прерывать свою карьеру оппозиционного оратора⁴⁴. Объектом его нападков после сложения диктатуры Суллой становятся, по-видимому, сначала отдельные постановления диктатора, позднее Цицерон выступает с Верринами — фундаментальным трудом, посвященным разоблачению основных учреждений т. н. сулланской конституции, в том

³⁹ *C i c., p. Rosc. Am., 129: Verum quaeso a vobis, iudices, ut haec pauca, quae restant, ita audiat, ut partim me dicere pro me ipso putetis, partim pro Sex. Roscio.*

⁴⁰ *C i c., p. Rosc. Am., 143: Verum haec omnis oratio [130—142], ut iam ante dixi, mea est, qua me uti res publica et dolor meus et istorum iniuria coegit.*

⁴¹ Эта сторона выступления Цицерона была еще в 1879 г. отмечена И. Р о с т о в ц е в ы м (ук. соч., стр. 18): «Нужно было много такта и большого искусства, чтобы не задеть ни Суллы, ни аристократической партии и вместе с тем не показаться человеком, не имеющим честных, независимых убеждений, — и Цицерон исполнил это блестящим образом».

⁴² *C i c., De off., II, 51: ... nos adolescentes contra L. Sullae dominantis opes pro S. Roscio Amerino fecimus.*

⁴³ См. *Heinze*, ук. соч., стр. 966; *C i a s e r i*, ук. соч., стр. 30, прим. 4.

⁴⁴ Между прочим, эти факты заставляют отвергнуть распространенное мнение (основанное на сообщении Плуарха — *P l u t., Cic., 3, 6; 4, 4*) о непосредственной связи путешествия Цицерона на Восток с его выступлением в процессе С. Росция (см. *G e l z e r*, RE, т. VII A, стб. 838).

числе того самого сенаторского суда, к моральному авторитету которого обращался он в речи за С. Росция.

Итак, мы видели, что в годы диктатуры Суллы Цицерон охотно берется за дела, требующие выступления против влиятельных сулланцев. Дела, связанные с борьбой против «влияния» власть имущих, были, как сообщает сам Цицерон (*De off.*, II, 51), особенно выигрышными для защитника, и Цицерон, как мы видели, подчеркивает этот момент в своих речах. Следует помнить о роли такого рода выступлений для карьеры оратора. Мы не должны, однако, забывать, что в самих интересах дела, имеющего благодаря тем или иным — иногда косвенным — обстоятельствам политический оттенок, оратору следовало найти в политической обстановке момента такие стороны, которые могли быть использованы в интересах подзащитного. Это не только требовало точной ориентировки в сложной политической борьбе, учета как основных ее направлений, так и мелких колебаний тех или иных социальных прослоек и политических группировок, но и вынуждало оратора занять определенную политическую позицию.

Разбирая с этой точки зрения две речи Цицерона времени сулланской диктатуры, мы можем отметить, что в них отразилась известная эволюция его политической позиции.

В речи за Квинкция Цицерон ограничивается общими намеками на свое отрицательное отношение к положению, сложившемуся при господстве сулланцев, обращаясь, очевидно, к скрытому недовольству в различных слоях римского общества.

В речи за С. Росция Цицерон находит позицию, выступая с которой, он может позволить себе более конкретную и более острую критику методов действия Суллы и его окружения. Возможность такого выступления была, как мы видели, связана с распространением оппозиционных настроений среди сенатской знати, особенно среди умеренной ее части. Поэтому критика Цицерона в этой речи не касается официальной идеологии сулланской партии, не затрагивает (если не считать отдельных глухих замечаний) идеи аристократической республики.

После отказа Суллы от власти, когда появляется возможность открыто нападать на отдельные законодательные установления недавнего диктатора, политическая позиция Цицерона вновь становится более широкой, но уже откровенно связанной с определенной социальной основой — именно в это время Цицерон начинает последовательно защищать интересы всадников.

Насколько соответствовала позиция Цицерона в годы сулланской диктатуры его собственным политическим воззрениям? (О возможности такого расхождения недвусмысленно говорит сам Цицерон в известной тираде из речи за Клуенция — 139 сл.). Этот вопрос требует специального разбора политических взглядов Цицерона и их эволюции, что выходит за пределы нашей темы.

